

Отзыв официального оппонента на диссертацию
Вениамина Тимофеевича Золотухина
"Книга Евгения Баратынского "Сумерки" в жанровом контексте Золотого
века",
представленной на соискание ученой степени кандидата
филологических наук по специальности 5.9.1 – Русская литература и
литературы народов Российской Федерации

Диссертационное исследование Вениамина Тимофеевича Золотухина посвящено изучению итоговой для Баратынского – и одновременно первой в истории русской поэзии книги стихов «Сумерки» (1842). Предложенный исследователем аспект абсолютно закономерен и вместе с тем совершенно не тривиален: стихотворения Баратынского, включенные в «Сумерки», рассматриваются в жанровом контексте Золотого века. Как бы парадоксально это ни прозвучало – рассматриваются впервые, поскольку при всем разнообразии научных работ, посвященных «Сумеркам» и шире – поэтическому творчеству Баратынского второй половины 1820ых – начала 1840ых годов, соответствующий вопрос не был не только решен, но в сущности и поставлен. Это определяет научную новизну предлагаемой к защите диссертации. Речь здесь идет не о решении частного вопроса, но о восполнении более чем значимой лакуны: понимание жанровых процессов в лирике 1830-1840ых годов позволяет увидеть под новым углом зрения как творчество отдельных авторов, там и литературный процесс в целом. Об актуальности работы необходимо сказать отдельно, поскольку она, на наш взгляд, не ограничивается рамками поставленной проблемы, но позволяет по-новому увидеть историко-литературную картину позднего Золотого века. С середины 1960ых годов, прежде всего под влиянием работы Л.Я. Гинзбург «О лирике» (1964) принято было говорить об «атрофии жанрового мышления» (с.6) в русской лирике приблизительно с середины пушкинской эпохи. Не опровергая этой идеи в целом, В.Т. Золотухин утверждает, что «устоявшийся взгляд на судьбу жанров в эту эпоху требует существенной корректировки» (с. 6); его работа убедительно доказывает абсолютную правильность этого тезиса.

Исходным посылом исследования, проведенного В.Т. Золотухиным, является то внимание, которое оказывал жанровым дефинициям сам Баратынский. Понятия жанровой теории XVIII столетия были для него теми «правилами французской школы», которые он, по словам Дельвига «всосал с материнским молоком». В начале своей работы В.Т. Золотухин приводит чрезвычайно ценное свидетельство сына поэта, Льва Евгеньевича Баратынского, который намеревается «сделать третье издание с разделениями»; в ходе работы исследователь неоднократно обращается к той классификации, которая была предложена в записях вдовы поэта Настасьи Львовны. Эти свидетельства уже сами по себе являются основанием для постановки вопроса об «органичности жанрового мышления» (с. 8) по отношению к поздней лирике Баратынского. При этом В.Т. Золотухин очень

осторожно говорит «и о сохранении, и об упразднении жанрового сознания» (с. 9); в центре его внимания на протяжении всей дальнейшей работы находится именно сложное взаимодействие этих разнонаправленных тенденций.

Особую сложность в решении поставленного вопроса представляет собой собственно жанровая дефиниция. Во-первых, за минувшие два столетия она претерпела существенные изменения. Во-вторых, дело затрудняет отсутствие того универсального критерия, который позволяет разграничивать различные жанры. В том, что касается первого вопроса, В.Т. Золотухин на протяжении всей работы строго придерживается принципа историзма – он ориентируется именно на те нормативные и дескриптивные поэтики, которые могли так или иначе попасть в поле зрения Баратынского и формировали представление о жанрах в его эпоху. Касательно второго он исходит из того, что норма жанра – это «максимально полный комплекс его признаков» (с. 12). Таким образом, осмысление жанровой природы того или иного стихотворения Баратынского опирается не столько на современные литературоведческие штудии (при безусловном их знании, которое демонстрирует автор работы), сколько на ее соотнесение с «исторически релевантными дефинициями» (с. 12).

Структура работы определяется ее целью и задачами. Работа могла бы быть построена как последовательное чтение входящих в «Сумерки» стихотворений, но автор диссертационного исследования избирает другой путь. Предупредив читателя о том, что «в задачи не входит одинаково развернутое описание всех текстов “Сумерек”» (в реальности в работе глубоко и подробно описаны практически все), В.Т. Золотухин последовательно движется от истории изучаемого вопроса (глава 1) к взаимодействию двух основных лирических жанров – оды и элегии (глава 2), затем – к поэтике тех стихотворений, где жанровые доминанты, за пределами двух названных, определяются достаточно отчетливо (глава 3) и, наконец, к «полифоническим» по слову исследователя текстам (сам сборник «Сумерки», не являясь в строгом смысле этого слова жанровым образованием, демонстрирует подобную полифоничность, но уже на ином, более высоком уровне).

Первая глава исследования, как было сказано выше, посвящена истории вопроса. Автор диссертации обнаруживает в ней не только глубочайшие знания (кажется, нет ни одной работы о Баратынском, которая не попала в его поле зрения), но и внимание к тем источникам, прежде всего второй половины XIX века, которые традиционно игнорируются исследователями – именно в силу того представления, что Баратынский в это время практически забыт. Речь идет о докладах, статьях, обзорах В.Е. Чешихина, Н.Н. Стороженко, Н.А. Котляревского, в которых обнаруживаются беглые, но тем не менее важные в данном аспекте наблюдения. Переходя к литературоведческим работам советского времени, В.Т. Золотухин обнаруживает не только их отличное знание, но и понимание свойственных им aberrаций. В частности, он отмечает, что представление о стадильности развития литературы привело к «представлению об искусственности и непродуктивности жанрового

мышления» (с. 39). Особое внимание он уделяет изданию Баратынского 1945 года, предпринятому И.Н. Медведевой и высоко оцененному Бродским в письме к ней. Вообще же, характеризуя работы своих предшественников, В.Т. Золотухин не только демонстрирует их прекрасное знание и корректность; он последовательно объясняет те или иные тенденции в изучении творчества Баратынского.

Начиная со второй главы, В.Т. Золотухин обращается непосредственно к жанровой поэтике «Сумерек». В поисках аутентичных для Баратынского и его эпохи жанровых дефиниций, он последовательно рассматривает труды и отдельные высказывания Г.Р. Державина, Н.Ф. Остолопова, А.Ф. Мерзлякова, трактат А.И. Галича «Опыт науки изящного» и т.д. Главным вопросом для него становится вопрос о взаимоотношении оды и элегии как доминирующих жанров русской лирики конца XVIII – начала XIX веков, в ходе работы В.Т. Золотухин убедительно показывает, что в «Сумерках» Баратынского два эти жанра не только не противостоят друг другу, но и сложным образом соединяют свои жанровые интенции в пределах одного текста, взаимно обогащая друг друга. Замечательным примером этого (и одновременно – замечательным примером глубины и тонкости анализа) становится рассмотрение стихотворения Баратынского «На что вы, дни! Юдольный мир явленья...». В.Т. Золотухин предлагает увидеть в нем «унылую элегию в одическом ракурсе» (с. 65); в качестве жанрового контекста он убедительно предлагает настолько разные (и в то же время схожие на синтаксическом уровне) произведения, как «Мой гений» К.Н. Батюшкова и «На смерть князя Мещерского» Г.Р. Державина. Отметим и еще один вероятный метрический контекст: Я5Ж+ЯЗМ – редкий в русской поэзии первой половины XIX века размер; им написана более ранняя «Истина» Баратынского и им же – баллада Жуковского «Варвик», вероятно отозвавшаяся у младшего поэта. Подобное совмещение разных жанровых интенций В.Т. Золотухин видит и в «Осени», анализ которой демонстрирует тонкий поэтический слух исследователя. Особенно значимыми мне представляются наблюдения о сознаваемом самим поэтом косноязычии «Осени», которое неотделимо от «сюжета жизненного поражения» (с. 80).

Третья глава работы посвящена поэтике жанровых доминант. Здесь рассматриваются те стихотворения «Сумерек», жанровые ориентиры которых более или менее определены. Вместе с тем речь идет не о простых дефинициях, а о существенных трансформациях жанра, которые позволяют увидеть в «Ахилле» редуцированную балладу (и дело здесь отнюдь не только в одноименной балладе В.А. Жуковского, сопоставительный анализ с которой блестяще выполнен), в «Толпе тревожный день приветен, но страшна...» элегию с неожиданно «трезвым восторгом прозрения» (с. 110), в «Бокале» песню. Говоря о последнем, В.Т. Золотухин отмечает в качестве одной из центральных тем позднего Баратынского «беспомощность искусства перед жизнью» (с. 128). Эту формулу, можно, на наш взгляд, применить и к теме в целом: устойчивая жанровая система обнаруживает свою беспомощность именно перед той новой картиной мира, которую осмысляет в «Сумерках» Баратынский.

В последней главе речь о полифонических текстах Баратынского – таких как «Рифма» или «Последний поэт». Полифоничность здесь достигается, помимо всего прочего, на метрическом уровне; анализируя ее, В.Т. Золотухин показывает, как разные жанры – и соответственно картины мира – вступают в диалог друг с другом, и он в равной мере может завершиться катастрофой (таков лирический сюжет «Последнего поэта») и обретением надежды («Рифма»). Кратко касаясь в последнем разделе этой главы композиции «Сумерек», В.Т. Золотухин показывает, что здесь доминирует тот же принцип жанровой полифонии, но уже на макроуровне, как способ переключения рецептивной стратегии читателя.

Даже столь беглый обзор показывает, как нам кажется, незаурядный уровень диссертации, сочетающей в себе тонкость и точность отдельных наблюдений, стройность концепции, блестящую начитанность, знание эпохи. Вместе с тем работа такого уровня предполагает читательское соразмышление. Предлагаемые ниже наблюдения являются не опровержением сказанного в работе, а скорее продолжением размышлений над рядом вопросов. Перечислим их:

1. Говоря о ведущих жанрах эпохи, В.Т. Золотухин акцентирует внимание прежде всего на оде и элегии. Вместе с тем, как нам представляется, одним из «исходных» жанров, хотя и не закрепившимся в полной мере в лирике, была идиллия – жанр значимый для Баратынского как точка отталкивания («Осень», «Последний поэт»). Возникает вопрос о том, важна ли идиллия как жанр в концепции «Сумерек» и как она соотносится с другими жанровыми категориями?
2. Жанр в значительной степени является коммуникативной установкой. Можно ли объяснить позднейший разрыв Баратынского с читателем (декларативно заявленный в «На посев леса») читательским непониманием авторского жанрового переключения? Иными словами, не спровоцировал ли сам Баратынский отсутствие «отзыва» жанровой интеграцией? Отразилось ли это каким-то образом в критических отзывах на «Сумерки» и позднейшей читательской рецепции?

Приведенные вопросы свидетельствуют исключительно о высоком уровне диссертации и должны рассматриваться как приглашение к дискуссии. Если же говорить о диссертационном исследовании В.Т. Золотухина, то не возникает никаких сомнений в том, что перед нами работа, значительно превышающая требования, предъявляемые к диссертационным исследованиям. Это завершенная монография, обладающая несомненной актуальностью, научной новизной, теоретической и практической значимостью. Проведенное исследование прошло достаточную апробацию на научных конференциях, диссертация и автореферат оформлены в соответствии с действующими требованиями, научные публикации отражают содержание диссертации. Как следует из сказанного выше, диссертация Вениамина Тимофеевича Золотухина «Книга Евгения Баратынского "Сумерки" в

жанровом контексте Золотого века» полностью соответствует критериям, установленным п. 9, 10, 11, 13, 14 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 года в действующей редакции с изменениями и дополнениями. Автор диссертации – Вениамин Тимофеевич Золотухин безусловно заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.1. Русская литература и литература народов Российской Федерации.

Официальный оппонент

кандидат филологических наук,
доцент департамента литературы
и межкультурной коммуникации
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» - Нижний Новгород
Гельфонд Мария Марковна,
Адрес места работы: 603000,
Г. Нижний Новгород, Сормовское шоссе, д. 30
mgelfond@hse.ru

09.09.2024

Подпись
ЗАВЕРЕНА НАЧАЛЬНИКОМ
ОТДЕЛА КАДРОВ
Н.А. ЕРМОЛИНОЙ

Свбесму

М. М. Гельфонд

СВЕДЕНИЯ
об оппоненте по диссертации

Золотухина Вениамина Тимофеевича на тему «Книга Евгения Баратынского “Сумерки” в жанровом контексте Золотого века» на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.1 – русская литература и литературы народов Российской Федерации

Руководствуясь п. 22 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842, и п. 10 Порядка размещения в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» информации, необходимой для обеспечения порядка присуждения ученых степеней, утвержденного приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 16 апреля 2014 г. № 326, сообщаю о себе следующее:

Гельфонд Мария Марковна
Кандидат филологических наук
10.01.01 – Русская литература
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”» – Нижний Новгород
Департамент литературы и межкультурной коммуникации, доцент
603000 г. Нижний Новгород, Сормовское шоссе,
30
mgelfond@hse.ru

Список основных публикаций официального оппонента в соответствующей сфере исследования за последние 5 лет (не более 15):

- 1) *Гельфонд М.М.* Бродский как Боратынский: поэтика мифа и поэтика текста // И. А, Бродский: pro et contra. СПб., 2023. С. 525-539.
- 2) *Гельфонд М.М.* «Не у тебя, не у меня – у них...» О.Э. Мандельштама: опыт прочтения // Новый филологический вестник. 2022. № 1 (60). С. 339-348.
- 3) *Гельфонд М.М.* Маяковский и Тютчев в стихотворении Б. Л. Пастернака «Сестра моя – жизнь и сегодня в разливе» // Сюжетология и сюжетография. 2022. № 2. С. 42-50.
- 4) *Гельфонд М.М.* Семантика вымышленного черновика: Еще раз о стихотворении Б. Л. Пастернака «Сказка» // Критика и семиотика. 2020. № 1. С. 351-362.

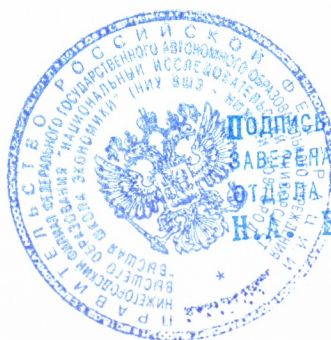
- 5) Гельфонд М.М. О возможном источнике мандельштамовской эпитафии А. Белому // Сибирский филологический журнал. 2019. № 2. С. 65-72.
- 6) Гельфонд М.М. «Пироскаф» Боратынского: жанровый и метрический контекст // Новый филологический вестник. 2017. № 4 (43). С. 70–83.
- 7) Гельфонд М.М. Послание Боратынского Вяземскому как увертюра «Сумерек» и эпилог жанра // Лирическая эволюция: к 70-летию Дарвина (Михаила Николаевича): сборник статей. М. :Эдитус, 2017. С. 128-139.
- 8) Гельфонд М.М. Поэтика жанров поздней лирики Боратынского // Замечательное шестидесятилетие: Ко дню рождения Андрея Немзера. Т. 1. Издательские решения. Ридеро, 2017. С. 87-103.
- 9) Гельфонд М.М. «Я читал Боратынского»: Виктор Кривулин // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2013. № 1–2. С. 51–55.
- 10) Книга Гельфонд М. М. «Читателя найду в потомстве я...»: поэты XX века – читатели Боратынского. М. : Биосфера, 2012.
- 11) Глава книги Гельфонд М. М. Боратынский в ленинградской поэзии 1960-1980-х годов // В кн.: Иосиф Бродский: Проблемы поэтики. Сборник научных трудов и материалов. М. : Новое литературное обозрение, 2012. С. 353-367.
- 12) Гельфонд М.М. Боратынский в прочтении Заболоцкого: поэтика элегии и гротеска // Новый филологический вестник. 2009. № 2 (9). С. 56–67.
- 13) Гельфонд М.М. Пушкин и Боратынский в поэтическом сознании Ходасевича // Новый филологический вестник. 2008. № 1 (6). С. 72–80.

Согласен на обработку персональных данных.

Официальный оппонент
Гельфонд Мария Марковна

Отметка о
заверении М.П.

Подпись

М.М. Гельфонд
начальником
отдела кадров
Ермодиной